

ТРИ РАССКАЗА ИЗ ТАМБОВА

Эдуард Емельянов

ПРЯНИКИ

Эдуард Викторович Емельянов родился в Тамбове, после школы учился в ПТУ, служил в армии, имеет два высших образования, работает адвокатом. Рассказы автора печатались в региональных периодических изданиях.

О Викторе Петровиче соседи говорили, что «этот сеledку голыми руками есть не станет». И то была чистая правда. Сегодня по мягкому, зимнему вечерку, надеясь быстро разрешить бытовую проблему, Виктор Петрович направился в жилищную компанию, что располагалась в старосоветском двухэтажном здании. Ремонтировалось оно, а, точнее сказать, худо-бедно поддерживалось местами более чем экономно. Каждая латка на фасаде имела свой оттенок. Деревянный пол, как лоскутное одеяло, был застлан разноузорными кусками линолеума, а двери кабинетов напоминали о прожитых ими десятилетиях. Так, в бухгалтерию вела тяжелая дверь, обитая порепанным дерматином, к директору — новая пластиковая, а смех экономистов просачивался сквозь еловые рейки с густыми подтеками олифы.

Пройдясь мимо пестрых предвыборных плакатов, Виктор Петрович расстегнул верхнюю пуговицу пальто и, подтянув синий галстук, постучался к экономистам.

— Извините, пожалуйста, позвольте у вас узнать, к кому можно обратиться по вопросу некачественной работы домовой вытяжки?

Смех прервался, и кабинетные дамы, проверив прически, обратились к компьютерам, а бойкая блондиночка, передернув плечиками, посоветовала пройти к слесарю на второй этаж, что в комнате сразу после лестницы.

Виктор Петрович проследовал наверх. В скрипе скошенных ступенек ему слышались звуки вальса. На минуту он даже почувствовал себя музыкантом.

За дверью, где, по всей видимости, и должен был находиться слесарь, кто-то бойко разговаривал по телефону. Во время ожидания Виктору Петровичу почудилось, что по мелодии шагов в исполнении старой лестницы угадывался возраст, пол и даже настроение этого человека.

Услышав, наконец, в комнате тишину, он постучался и, испросив разрешение войти, аккуратно переступил порог.

— Добрый вечер, мне посоветовали обратиться к вам, я понимаю, вы слесарь?

— Слесарь я до обеда, а потом — сомелье. Ну да ладно, выкладывай, что у тебя там.

— Я из девятнадцатого дома, в нашей квартире окна постоянно влажные, супруга говорит, что белье не высыхает, похоже, что вытяжка засохла, а у нас малыш, поэтому прошу вас о помощи.

— Так, девятнадцатый дом... Пятиэтажка, что ли?

— Да, это здесь через дорогу, буквально в трех минутах ходьбы.

— Три минуты — это когда самому нужно, — ответил он и пыхнул загнутой вверх папиросой.

Виктор Петрович пробежался глазами по комнате. Обстановка была свойственна мужичьей берлоге: на стенах инструкции по техники безопасности, календарь с обнаженной красавицей, тиски, шкаф с обвисшей дверью, пропылившиеся шторы и на подоконнике почему-то бюст Хрущева.

Сменив размеренность на деловитость, слесарь погрузил папиросу в широкую пепельницу и, смахнув в ящик игральные карты, с какой-то наигранной вежливостью поинтересовался.

— К вам когда лучше подойти? До обеда или после?

— Было бы хорошо после обеда, я прибуду с работы и буду вас ожидать, вот моя визитка, я здесь адрес подробно записал.

— Хорошо, завтра в два часа. Только давай сразу договоримся, чтобы дома кто-нибудь был, а то, бывает, придешь, звонишь, звонишь — и тишина.

— Не извольте волноваться, мы все будем дома, тем более супруга в декрете. Благодарю и доброго вам вечера.

С улыбкой Виктор Петрович прошел по музыкальным деревянным ступенькам, и для организации теплого приема слесаря предусмотрительно забежал в пекарню.

Дома, как опереточный солист, он чуть ли не напевно выдал своей супруге Анне Герцевне:

— Вопрос с вытяжкой решен! Все завтра будет хорошо!

— Артист. Точно все будет хорошо?

— Естественно, слесарь пообещал быть завтра после обеда.

— А ты уважил его или хотя бы пообещал отблагодарить?

— С чего это, мы по квитанции все оплачиваем, они обязаны ремонтировать, — попытался возмутиться он.

— Ну-ну, удачи вам, — улыбнулась Анна Герцевна.

К приходу слесаря на столе красовалась ваза с разноцветными пряниками и неоткрытая банка кофе.

Виктору Петровичу хотелось удивить незнакомого человека, оставив о себе добрую память. Однако вновь вскипяченный чайник вновь остыл, и в начале пятого часа Виктор Петрович уже подыскивал слесарю оправдание. Вариант с форс-мажором ему понравился, но позвонить и предупредить все-таки можно было, мысленно негодовал он, вытирая влагу на темном окне.

Распатанные гвозди ступенек, как толстые струны, провыли что-то невнятное, не ритмичное.

Виктор Петрович постучался к слесарю и, услышав корявое «Да-да», — вошел.

— Добрый вечер. Конечно, простите, но мы договаривались вытяжку посмотреть. Я вчера отпросился с работы, прождал до вечера, а вы, извиняюсь, даже не позвонили.

— Ты с девятнадцатого дома, по-моему?

— У вас прекрасная память.

— Не поверишь! Вчера собрался к тебе, но срочно вызвали, где-то труба протекла. Давай завтра, но только чтобы точно. Буду после обеда. Так что встречай, — ответил он, но в этот раз как-то весело и нагло.

— Хорошо, но если у вас вдруг окажутся безотлагательные дела, то дайте знать. Пожалуйста, — надавив на обходительное слово, Виктор Петрович попытался обозначить пределы своего терпения.

— Все, все решено, извини, брат, бывает, вас много, а я один, — махнув рукой, слесарь обрезал разговор и принялся наматывать трос на руку.

В назначенный день на столе вновь сверкала ваза с пряниками и неоткрытая банка кофе. Однако ближе к четырем часам Виктор Петрович не стерпел и, накинув кожаную куртку, вновь направился в жилищную компанию. Только что помытая лестница буквально лязгала саблями. Постучавшись в слесарку, он обнаружил ее закрытой. Соседние двери также были на замке, а на первом этаже бойкая блондиночка пояснила, что ни телефоном, ни местом пребывания слесаря они здесь не ведают, и вообще управы на него нет никакой, потому как нет желающих на его место.

На уличной проходе Виктор Петрович немного успокоился. Дома он, ничего ни говоря Анне Герцевне, сел пить кофе и, тупясь в одну точку на рисунке обоев, крошил и поедал цветные пряники.

В эту ночь он ворочался с боку на бок, потом встал и ушел на кухню, долго думал, а когда возвратился, то больно ударился мизинцем стопы о ножку дивана. Хромая и скуля, он разбудил супругу с ребенком, а сам заснул лишь под утро.

На работу Виктор Петрович не вышел. Размявшись гантелями, он снова направился в жилищную компанию. Похлопывая по облупленной краске перил, он сегодня слышал бой боевых барабанов. Осознание равнодушия к своей персоне придавало решительности, но еще не приходило понимание, как правильно убедить этого человека.

Перед дверью он услышал, что слесарь не один, и остановился подождать, а заодно еще раз поразмыслить, как повести разговор, чтобы этот визит оказался завершающим.

Неожиданно из-за двери понеслась крепкая ругань. Виктору Петровичу это показалось непотребным.

«Так нельзя предъявлять претензии, даже если слесарь не прав», — подумал он.

За дверью последовал смачный удар кулака по столу. Видимо, подскочила пепельница и, накручивая обороты, долго не могла улечься на место. Неприкритые выражения посетителя буквально брали Виктора Петровича за грудки. Он хотел было вмешаться и пресечь эдакое хамство, но редкий внутренний голос жестко его остановил: «Стой, дурак, и слушай. Мотай на ус».

Улавливая эмоциональную волну, он стал невольно ею заряжаться. Вдруг из слесарки вырвался разгневанный мужчина и, едва удерживаясь за перила, буквально прокатился вниз по скошенным ступеням.

Дверь слесарки медленно закрывалась, и Виктор Петрович понял, что момент настал и надо было что-то решать.

«Нет, еще раз поговорю с ним, — подумал он, — слесарь человек занятый, а я или супруга еще поборемся с влагой...»

И, сделав шаг назад, Виктор Петрович как бы отступил.

В этот момент в его памяти промелькнула одна женщина из советского детства. Пристыдившая в бескрайней очереди за тогдашними синими тощими курами своего «тихоню» мужа такими словами: «Чего стоишь, как истукан, или бабе воевать положено, когда наглецы без очереди прут?» Муж вовсе смялся. И она в итоге реально сама разогнала мужиков, норовившись отовариться без очереди. Виктор Петрович вспомнил, как тогда по длинной очереди в адрес ее мужа раздалось неприятное шушуканье и смешки. Любопытные взгляды заставили его и вовсе спрятаться за воротничком пальто так, что вся голова стала сплошным затылком.

Сейчас, хотя вокруг и не было ни души, Виктор Петрович словно сквозь десятилетия почувствовал на себе эти канувшие в Лету взгляды осуждения. Не выдержав такую пытку, он, как боксер перед боем, растер щеки и, буквально вломившись в комнату, с порога обрушился на слесаря:

— С обеда и до вечера я каждый день тебя дожидаюсь, а ты даже позвонить не можешь! Сколько, в конце концов, это еще будет продолжаться?!

И далее он понес такое, что и передать страшно.

Во время извержения этого монолога казалось, что и слесарь, и тишь соседних кабинетов, да и вся атмосфера здания в целом не восприняли это как что-то из ряда вон выходящее. Была в словесном громоухании со стороны Виктора Петровича какая-то обыденность. Казалось, что все вокруг твердило: «Правильно говоришь, давно так надо было!»

В окончании Виктор Петрович своим натиском словно припер слесаря к стене и выпалил:

— Что молчишь? — И стал сурово ждать ответа.

Надо отметить, что во время ругани глаза слесаря наполнялись уважением к Виктору Петровичу и будто бы негласно молвили: «Ну вот, можешь же ясно сказать, чего надо, без всяких этих “извольте, извините”»...

Слесарь рывком поднял с пола брезентовую сумку с инструментами и как-то вовсе по-дружески, запросто сказал:

— Пойдем.

По дороге разговор их был тихий, и понимали они друг друга, как старые друзья. Слесарь даже успел рассказать о нелегких этапах своей судьбы и что третий раз женился, так как не может жить без семьи.

В квартире, изогнувшись на табуретке, он специальным зеркальцем попытался рассмотреть в вытяжке небесную синеву. Потом забрался по чердачной лестнице на крышу — послышался шорох, и из вытяжки посыпались мелкие камешки.

Матеря родственников директора, что недавно латали крышу, он вернулся с куском мятого рубероида в руке.

— Вот, в вытяжке нашел, хотел вас позвать, руки-то ваши подлиннее будут, но изловчился и отверткой подковырнул, только вот куртку поранил, — и показал царапину на рукаве.

Виктор Петрович смахнул паутину с плеч слесаря и, поблагодарив его сердечно, извинился.

В квартире наступила тишина, влажность с окон вскоре исчезла, и вроде бы все хорошо, но вечером Виктор Петрович почему-то не вышел на семейный ужин.

Семен Александрович Золотухин родился в городе Миасс Челябинской области, учился в Тамбовском государственном университете, имеет два образования — историческое и юридическое, работает адвокатом в Тамбове. Рассказы автора печатались в областных изданиях.

Синематограф в губернском городе был только один, и назывался он «Модерн». Как это было символично, хотя, может быть, и чуточку безвкусно, даже пошло... казалось бы, в эпоху модерна называть синематограф «Модерном» — дурной тон, несколько провинциально, но, с другой стороны, почему бы и нет, почему бы и не назвать...

Но ведь это даже как-то и мило... и, в общем-то, прекрасно!

Любезный читатель, именно такие заключения, вроде вышеприведенного, часто приходили в голову Ивана Ивановича Полубояринова, когда он проходил мимо синематографа.

Иван Иванович — присяжный поверенный, муж очаровательной Людмилы Петровны, урожденной Щаповой, отец двух премилых крошек — Зиночки и Галечки, сероглазый шатен среднего роста с аккуратными ушами и небольшими усиками, — подняв воротник своего пальто, шел по Большой улице из губернского суда к себе домой на Покровскую. Погода не ладилась, шел мелкий дождь, а зонт Полубояринов, как назло, забыл дома... Заседание, в котором он участвовал в качестве защитника по уголовному делу, окончилось для не него не очень удачно... Он стремился на Покровскую, в уют небольшого деревянного одноэтажного дома с небольшим садиком, где ожидали его жена и доченьки.

Поравнявшись с дверями синематографа «Модерн», Полубояринов подумал, что все-таки хорошо было бы ненадолго зайти в бар, выпить рюмочку шустовского коньяку.

— А, ладно, черт его деря, все равно по дороге, — сказал он сам себе и резко свернул налево, войдя под крылья аиста, парящего над входом в синематограф и держащего в своем клюве белый шар-фонарь.

Войдя, Полубояринов сначала зажмурился, повел плечами и блаженно улыбнулся.

— Хорошо! — сказал он громко, обращаясь более к себе, чем к кому-либо, щелкнул пальцами и решительно направился в сторону бара.

Первый и пока единственный бар в синематографе «Модерн» являлся новомодным и невиданным дивом в губернском городе. Он был открыт совсем недавно, но сильно будоражил воображение наиболее молодой и интеллигентной части городской публики. Дам и господ смущало название, но знатоки при этом все же вспоминали «Фоли-Бержер» с ренуаровской девушкой за стойкой. Впрочем, здесь девушек было сразу две — мадемуазель Лика и мадемуазель Вика. Одна — очаровательная блондинка, вторая — пленительная брюнетка. Обе глазасты, изящны, предупредительны, щбетливы и слегка заигрывающи с особями мужского пола. Словом, все, что нужно, господа! А дамы губернские сюда пока еще и не заходили...

В баре можно было выпить и шустовского коньяку, и смирновской водки, побаловаться винами и при этом недурственно закусить — икрой,

балыками, а, на худой конец, и весьма неплохой колбасой. В промозглые дни посетители могли согреться глинтвейном, всегда потребовать себе чаю и кофею с отменными пирожными. А во время выпивания и закусывания можно было не отходить от барной стойки, примостившись на диковинных высоких табуретах, следить за ловкими движениями девушек и даже мельком, кому, конечно, повезет, задеть взглядом краешек шелковой юбки, показавшийся ажурный чулок, лакированную туфельку...

В этот холодный ноябрьский вечер 1916 года в баре было довольно много публики, но часть посетителей группировалась около бара, любезничая с девушками, поэтому все же в глубине залы два-три стола оставались свободными.

Иван Иванович заказал рюмочку шустовского, бутерброд с колбасой (на икру не было денег), получив свое, стал осторожно пробираться к дальнему столику, который наметил себе ранее, еще стоя у стойки. Он хотел спокойно выпить и закусить, посидеть немного и отправиться восвояси. Но не тут-то было!

Внезапно он увидел умопомрачительные карие глаза, очаровательную улыбку, огромную бархатную черную шляпу — и остолбенел даже. Но... о, разочарование... глаза и шляпу закрыла широкая офицерская спина с капитанскими погонами на плечах.

— Не узнал, не узнал, брат! — сказал над ухом знакомый голос.

К Полубояринову склонилось лицо коллеги — присяжного поверенного Платона Игнатьевича Веденяпина, кутилы, бабника и игрока, который любил именовать себя на французский манер «де Веденяпин»...

Де Веденяпин был завсегдатаем трактиров, бильярдных залов, скачек, спектаклей, балов... и иных в губернском городе мест, о которых благовоспитанному читателю лучше и не знать, но где многие холостяки и не очень холостяки находили некий приют для ищущих утешения странников и даже известное отдохновение.

Во всех этих местах Веденяпин любил пошуршать ассигнациями, особенно крупными. Для Полубояринова всегда было загадкой, откуда водились у Веденяпина деньги, ведь адвокатом он был средним, крупные куши не срывал... Было, правда, у него именшишко, но говорили, что продул в пух езезжим шулерам из Самары...

Эти два адвоката знали друг друга давно, учились вместе в гимназии, потом в Москве, в университете, были по старой студенческой привычке на «ты», не будучи друзьями...

Иван Иванович, человек, в общем-то, робкий и семейный, несколько побаивался даже Платона Игнатьевича, человека бурного и непредсказуемого, и с последним особенно сближаться не старался.

Полубояринов не был рад встрече с коллегой, сказал нехотя:

— Да уж не узнал тебя, извини, пожалуйста, затормошился у стойки, да и устал, понимаешь...

— Знаем, знаем, чего ты там затормошился, брат... небось на Вику и Лику глядел, рот разинув, — игриво ответил Веденяпин.

— Ну, что ты, что ты, право... С холоду, с дождя, без зонта, промерз совсем... И заходить-то не хотел, дом ведь рядом... рюмку коньяку разве опрокинуть.

— Ладно, рассказывай теперь, странник... Ну, ладно. Эти девчонки за стойкой обычны... А вот ты, брат, Веру Холодную в синема видел? Вот она-то сейчас здесь, через два столика от нас сидит, вон с тем артиллерийским капитаном...

— Не может быть, — пролепетал Полубояринов. — Вера... Холодная... Ах ты, Создатель! Глаза, улыбка... Ах, шляпа я, шляпа этакая! А я-то чувствую, думаю, вернее, где же эту даму я видеть мог?!

— То-то, брат... — И Веденяпин лукаво подмигнул и даже цокнул языком от удовольствия.

Он присел за столик к Полубояринову. В руках и у него очутилась рюмочка шустровского, но закуска была побогаче — бутерброд с черной икрой.

Веденяпин, подняв рюмку, сказал:

— Хочу предложить тост...

Иван Иванович тоже поднял рюмку, готовясь чокнуться с коллегой.

Но вдруг Веденяпин стремительно встал и во весь свой весьма зычный голос неожиданно для Полубояринова прогорланил:

— Господа! За присутствующую среди нас королеву русского синема-тографа Веру Холодную! Ура!

Что тут началось! Все внезапно повскакали со своих мест, раздались крики: «Господа, среди нас действительно Вера Холодная!», «Ура!» — и толпа провинциальных дворян обступила столик, за которым сидела актриса со своим спутником...

Вера Холодная, хоть и привыкшая к поклонению, была несколько даже ошеломлена таким внезапным порывом провинциальных любителей синема и ценителей женской красоты. Ей казалось, что в этом баре она сможет надежно укрыться, но... и здесь ее настигла слава! Она подняла голову, улыбаясь... и решительно была хороша! Сидящий рядом с ней белокурый с пшеничными усами капитан даже встал от неожиданности. Но ему оставалось только улыбнуться и растерянно развести руками.

Все присутствующие (ну или почти все) рассматривали актрису. Барных барышень забыли, и они надували губки от обиды. Загадка, но откуда-то внезапно явились букеты цветов — белые и пунцовые розы. Восторженные поклонники бросали их к ногам вставшей актрисы, крича при этом:

— Топчите их, топчите нас! Мы все ваши!

Иван Иванович, не поддаваясь всеобщей ажиотации, остался сидеть на своем месте, неподвижно, нервно сжимая в руках набалдашник трости. Де Веденяпин его покинул. Голос его завывал где-то вдалеке.

Полубояринов думал, что вот эти чудные карие глаза — эти глаза Веры Холодной, его любимой актрисы, снившиеся ему, грезившиеся ему... И как он мог ее не узнать! Он, который не пропускал в «Модерне» ни одной фильмы с ее участием!

Актриса милостиво приветствовала своих верных поклонников. Она что-то говорила, но что — Полубояринов не мог слышать: восторженные крики заглушали ее слова.

Через несколько мгновений Холодная в сопровождении своего кавалера направилась к выходу, затем зафыркал мотор — и дивное видение исчезло.

Постепенно атмосфера в баре сделалась прежней, птички за стойкой снова запели, раздавался смех, и скоро должно было начаться выступление оркестра и затем — сеанс очередной фильмы с участием Веры Холодной под названием «Шахматы жизни».

Иван Иванович машинально и как-то вяло доел свой бутерброд, поднялся и медленно, чуть волоча ноги, направился к выходу. Выходя, он столкнулся с Веденяпиным, который восторженно улыбался и, можно сказать, сиял.

— Представляешь, брат, — сказал он, приобняв Полубояринова за плечи и дыша на него запахом коньяка. — Представляешь, приобщился, так сказать, причастился искусству... ручку лобызнул. И ведь даже не рассердилась, шельмочка этакая... Только пальчиком погрозила! — Он раскатисто захохотал.

Ивана Ивановича окончательно повергло в уныние это известие.

— Ты... тово... Ручку ей поцеловал? И позволила она тебе это сделать... дерзость эту... как? Ведь она, тово... небожительница...

Домой Полубояринов буквально приплелся. Унылый и грустный. Галечка и Зиночка повисли на шее у папаша, звонко целуя его сразу в обе щеки. Супруга встретила его радостно, но потом, чувствуя его уныние, внимательно на него посмотрев, спросила:

— Иван, что это с тобою? Грустный и бледный какой-то ты.

Не желая расстраивать жену и вообще все ей рассказывать, Иван Иванович сказал в ответ:

— Да все хорошо, дорогая. Видишь ли, устал после суда, продрог и промок, это, тово... поработать мне нужно в одиночестве немного, завтра важное заседание в суде, речь буду в защиту конторщика Колымагина писать...

— Это того, который жену топором убил? — строго спросила жена.

— Его самого.

Полубояринов наскоро поужинал холодной телятиной с кабачками, благословил на сон дочек, перекрестив их, и в задумчивости удалился в свой кабинетик, где и заперся.

Иван Иванович присел к столу, зажег лампу, достал из стола дело Колымагина, закурил асмоловскую папиросу и стал рассеянно листать бумаги... чуть погодя выдвинул ящик стола. Пошарив в дальнем его углу, достал фотографическую карточку Веры Холодной...

Рассматривая актрису, Иван Иванович думал о том, что его встреча с нею прошла как-то случайно, торопливо, невнятно. А ведь он даже готовился к ней, думая иногда, что когда-нибудь она придет к ним в губернский город и он, набравшись смелости, купив ей букет цветов, придет в гостиницу, где она остановилась, и... протянет ей эту фотографическую карточку для того, чтобы она поставила свой автограф, и потом уже, как о высшей милости, будет умолять дать ему поцеловать ее ручку... Даже не ручку, а эти тонкие пальчики поцеловать — и то счастьем бы почитал он.

Он еще думал о том, что все эти барные господа, что и говорить, хороши... вместо того, чтобы дать актрисе незаметно отдохнуть, накинулись, набросились, как вороны на добычу, крик подняли... А Веденяпин, наглец этакой, даже и руку «лобызнул». И слово-то пошлое — «лобызнул». Не чувствует ведь, чурбан, что это само Искусство перед ним стоит... сама Красота случайно снизошла... Эфирные области нельзя грязными пальцами хватать, ах, нельзя...

Долго еще так в тиши кабинета сидел и думал в том же роде Иван Иванович. Речь в защиту ревнивца Колымагина так и не была им написана. Он в изнеможении сил и чувств заснул на маленьком диванчике. Ему приснился сон, где он, весной, в светлом костюме, вместе с актрисой в белом платье куда-то стремительно ехал в шикарном ландо по улицам губернского города, который по мере движения экипажа становился Парижем. В руках у Веры Холодной букет роз, в глазах — любовное торжество... А вдали — плачущая супруга присяжного поверенного и зареванные крошки Зиночка и Галечка протягивают к нему ручки...

Полубояринов проснулся от голоса жены.

— Иван, Иван, что с тобой? Ты сильно кричал, я испугалась... девочки чуть не проснулись... Тебе кошмар приснился, ужас? Лицо от слез мокрое.

Иван Иванович увидел склоненное к нему участливое и нежное лицо супруги. Она присела к нему на диван, обняла его и, утешая, как ребенка, стала гладить по волосам и спине. Полубояринов заплакал и внезапно почувствовал облегчение от прежнего состояния. Все куда-то ушло и скрылось.

Он увидел краешком глаза фотографическую карточку актрисы, упавшую на пол. Быстро, так, чтобы не заметила жена, легким ударом домашней туфли он отправил ее далеко под диван...

Утром Полубояринов в суд не пошел, сказался больным. Впрочем, судья Артифексов, благоволивший к защитнику, перенес прения по делу Колымагина на неделю, сказав возмущенному прокурору Веретенникову:

— Знаете что, господин обвинитель! Ведь каждый из нас заболеть может!

Владимир Самородов

ЧЕЛОВЕК СО СПРАВКОЙ

Владимир Юрьевич Самородов родился в Тамбове. По образованию юрист. Работает адвокатом и преподавателем юридических дисциплин. В 2018 году вышла дебютная книга «Под дождем моих мыслей». Рассказы автора печатались в местной периодике.

1

Владимир Геометриевич работал на двух работах, и везде — головой. Ко второй работе, которой он уделял два дня в неделю, а именно — преподаванию в университете, он относился не всегда серьезно, но любил ее и считал главной.

«Опять надо взять какую-то справку в медпункте», — думал Владимир Геометриевич, направляясь напрямик к старой белой двери, за которой печат людей.

— Здравствуйте, здрасьте, Владимир Геометриевич, — раздавались со всех сторон приветливые голоса студентов, торопящихся от учения к учению.

Всех он помнил, желал им добра и ставил всем зачеты, так как не хотел никого обижать. Хотя получалось, что обижались все, кто готовился. Проводя лекции, он запинался, ставил неправильно ударения, а один раз опрокинул горшок с цветком и, прервав лекцию, побежал на кафедру спрашивать веник с совком. Там его отговорили от этого занятия, но сей инцидент мучил потом его еще несколько месяцев. Вспоминался летящий горшок, разбивающийся вдребезги под смех студентов. Ему было жалко не сорванную лекцию, а сам цветок, который потом преломлялся в его искаженном сознании, представляясь символом жизни и молодости.

«И зачем мне получать эту справку для допуска к преподаванию, у меня же есть медицинская книжка, в которой отмечено, что я совершенно здоров. Эту печать мне поставили за какие-то скромные полторы зар-

платы. Но ведь нет, нужна еще справка, якобы я здоров и по справке, и по медкнижке — можно сказать, вдвойне. Ну ничего, на кафедре сказали, что надо просто прийти в медпункт, показать медкнижку, как подтверждение, что здоров, и на этом основании выдадут справку».

Опять Владимир Геометриевич удивлялся, отгоняя от себя рациональные мысли и вопросы, которые насыщали его голову, твердя себе: «Надо — значит надо, все просто: зашел, показал документ и получил справку — и вышел. Дело сделано, все просто».

Неожиданно Владимира Геометриевича стукнуло дверью по лбу. Отшатнувшись, он увидел выбегающего смеющегося студента Кренделева с бумажкой в руке, который радостно отдалялся от него, не замечая никого вокруг.

«Видимо, вылечился», — подумал Владимир Геометриевич, наблюдая за знакомым студентом.

Придержав дверь, зашел в медицинский пункт. Начальник картотеки, молодая полненькая девушка в халате, виднелась из форточки, прорубленной в середине двери: она была занята думами о здоровье пришедших сюда.

— Здравствуйте, понимаете ли, — начал говорить, подойдя к ней, Владимир Геометриевич, — мне необходима справка, для того чтобы дальше преподавать. Не могли бы вы мне выдать ее на основании медкнижки?

— Вы кто? Медкнижка? Факультет? — проговорила сразу эта девушка и, получив медицинскую книжку, сказала:

— Все понятно, у вас прививка просрочена, надо в архиве поискать. Если там есть, то повезет, — и ушла в архив.

Просидев достаточно долго на скамейке, обитой на уроке технологии или рукоделия студентами, Владимир Геометриевич забеспокоился, что целый час уходит из его жизненных планов. Хлористый больничный запах напоминал о больном детстве. Но не это беспокоило его больше всего, а то, что он основательно думал о прививке. Круговорот его размышлений можно описать несколькими словами: «Что? Как? Зачем и почему?»

Через некоторое время голос из-за стены заключил:

— Архив сохранился не полностью, искать не имеет смысла, скорее всего, вы ее не делали. Приходите завтра с часу до двух, когда уколяет врач.

Сказав это магическое «уколяет», девушка села на свое место и принялась подчинять старые карточки больных.

Выйдя на улицу, Владимир Геометриевич, ощутив пасхальное тепло с неба, почувствовал истинное благо жизни. У него было в запасе порядка четверти часа, чтобы добраться на автобусе до бюро, где он трудился по основному месту.

В автобусе он забылся, затолкался с людьми, невольно заслушался разговорами попутчиков, ощутил причастность к обществу. Попутно распределял в голове деньги на оставшийся месяц, считал упущенную выгоду.

Передав мелочь за проезд, наконец, вырвался из этого устройства, словно питающегося людьми. Правда, не совсем вырвался: чемодан зажевало дверьми и выдавило из него несколько «суждений Сократа» и вырезанное из газеты стихотворение некоего Олега Тетушкина, которые воспарили, с помощью ветра, над суетой жизни. Владимир Геометриевич же собрался с силой и, вырвав свой портфель, внимательно проводил их полет глазами.

По дороге в бюро думал, что можно было недодать рубль, и когда бы эти деньги только дошли до кондуктора, он бы уже как с минуту вышел — получилась бы явная экономия. Потом подумал, что с такой логикой можно вообще не платить за проезд, но, осознавая мелочность своих мыслей, бросил их развитие. Подходя к бюро, увидел заледенелые два рубля на дороге и начал усердно бить каблуком лед. Пот промочил его глаза, и он снял шляпу, разболтавшийся шарф выпустил бабочку в будничную суету.

В бюро потом оправдывался перед собой, что каблук на туфлях уже давно был стар, и если бы не эта причина, то он точно бы сам собой отвалился в скором времени.

— Владимир Геометриевич, скажите, пожалуйста, удачно ли вы сходили за справкой? — спросил его коллега культурным тоном.

— Вы знаете, Семен Розанович, я, к сожалению, получу эту справку, как только сделаю прививку. Так что извиняйте, я завтра отсутствую с часу до двух. Необходимо уколоться.

— Позвольте узнать, что за прививка?

— С этим сложнее, мне не сказали, — ответил Владимир Геометриевич, задумавшись о том, правильно ли он сделал, что не спросил, какую прививку необходимо ему делать. Но в то же время ответил себе: «Если бы он спросил об этом и ему не смогли бы ответить, то было бы еще хуже оттого, что ему необходимо сделать прививку, а какую — не знают. Ну это уж совсем глупость, как они определили тогда, что именно этой прививки у меня нет?» — оборвал он свои мысли.

— Вот это да, — прервал его размышления коллега, — обязательно узнайте, что за прививку вам будут делать, и обязательно купите с собой чистый одноразовый шприц, а то мне рассказывали, что они там одним всем колят. Да и вообще, я помню, мне говорил друг одного моего знакомого сокурсника, что как-то один раз там кого-то укололи и что-то произошло, но помню уже что, но люди об этом долго говорили.

Вечер Владимир Геометриевич провел как все предыдущие, за исключением двух обстоятельств, искаживших гладкую кардиограмму его жизни. Вечером он положил в карман пиджака пятимиллиграммовый закупоренный шприц. Несколько раз он примерял данный пиджак на предмет того, не выступает ли шприц, не топорщится ли от этого воротник, но, не придя к логическому выводу, лег в кровать. Ночью он никак не мог заснуть, ворочался в разные стороны, думал, осуществляя в голове мысленный вертеп: «Что? Как? Зачем и почему?»

«Что же это за прививка? Вот, например, я завтра зайду в медпункт, и надо прям с порога первым делом спросить, что это за прививку вы мне собираетесь делать и чистые ли у вас шприцы? Если не скажут, то отказаться, да и дело с концом. Или вообще уволюсь, просто пойду напишу заявление. Приду вот, например, в деканат, меня сразу спросят: «Дайте нам справку или не впустим», а я им тут — заявление по собственному желанию, мол, нате, выкусите — и баста. Обыграю их, так сказать. А подпишут ли без прививки это заявление? И все же, что за прививку мне собираются делать? Я слышал в коридоре, студенты говорили, что они там, в медпункте, шприцы в тазах с водой хранят и там же полощут». Перебирая эти мысли, словно считая овец, Владимир Геометриевич пытался заснуть.

«Я знаю, мне говорил один дельный человек, что в жизни пока руку кому-нибудь не посахаришь, сам в рот сахар не положишь. Поэтому я знаю, что делать. Деньги есть, но это пошло, да и зачем. Надо купить

шампанское и коробочку конфет. Да и там все сделают, все печати сразу поставят и спрашивать не будут. И чего я раньше не догадался».

Владимир Геометриевич заходит в кабинет к врачу, улыбается, вежливо присаживается рядом, передает большой разноцветный пакет и говорит: «Я вчера к вам приходил. Мне тут справочку обещали выдать». Доктор, приветливо улыбаясь, говорит: «Ах, да, конечно, какие пустяки». Тянется за печатью, и в это время в кабинет заходят заведующая кафедрой, декан факультета и какие-то люди в штатском, берут его за руки и начинают кричать, что он взяточник, живет не по правде. Владимир Геометриевич падает со стула, начинает тяжело дышать и, в конце концов, хватается за сердце, глубоко и конвульсивно заглатывая воздух и задыхаясь, как сломанный пылесос. Все эти люди, образовав круг, свысока осуждающе смотрят на него.

Оборвавшийся сон утомил тело и разум. Пот, выступивший на высоком лбу, заиграл на лучах восходящего солнца. Еще один день подарила жизнь.

2

«Дело в том, что мне необходимо основательно узнать, что это за прививка, как она называется, зачем делается, при каких условиях, какие противопоказания и какие у вас шприцы», — думал он про себя, сидя на знакомой скамейке в ожидании, когда его пригласит в кабинет врач. Так Владимир Геометриевич готовился к прививке.

— Заходите, — женский взрослый строгий голос раздался из-за стены.

Владимир Геометриевич встrepенулcя, дернул ручку процедурного кабинета, голова у него потяжелела, мысли скомкались, он почувствовал волнение, аналогичное испытанному на государственном экзамене по теории государства и права. Неизвестность, как и тогда, карала его ум за излишние думы.

— Раздевайтесь до пояса и ложитесь на кушетку, — сказал врач, не поворачиваясь к своему пациенту, ища в углу, по всей видимости, необходимые причиндалы.

Попытка сказать что-то в ответ доктору показалась не только нетактичной и неуместной, но и невозможной, так как надо было быстро раздеваться и ложиться на кушетку. От неспособности формулировать мысли и неотвратимости неизвестной прививки Владимир Геометриевич прилег, побледнел, задергался, тихо застонал, зашептал: «Зачем, зачем?» Долгожданный укус иглы почувствовало его тело, мысли пронеслись в его голове, как фотокарточки в альбоме. Бренность жизни, планы и невозможность ничего изменить нависли тяжелым грузом, закрыв ему глаза.

3

В последующем Владимиру Геометриевичу была выдана справка. В этот же день студент Кренделев не появился на занятиях, мотивировав это своей болезнью. Весь вечер заведующая кафедрой пыталась дозвониться до преподавателя Владимира Геометриевича, чтобы сообщить о новости, поступившей сверху, где уточнялось, что теперь тем, у кого есть медицинская книжка с печатью, справка не требуется, так как дублирует предыдущий документ, и что цветок пересадили.